Впервые, может быть, весна такая жаркая...

Иван Переверзин

* * *

Впервые, может быть, весна
такая жаркая, — как лето.
И — отражается сосна
в реке серебряного света.

Я в чешских далях не чужой,
по крайней мере, так считаю,
и принимаю жизнь такой,
какой душою понимаю...

И путь на гору не из тех,
что пот не вышибает сразу...
Но вдохновенно лезу вверх,
словно по Божьему наказу.

И, рыбой пойманною, ртом
хватаю воздух раскалённый.
Хотя бы разродился гром
и хлынул дождь неугомонный.

Не хлынет, время не пришло...
На сердце болевые цепи...
Но жизнь суровая зело
мне поневоле волю крепит.

И — отражается сосна —
в реке серебряного света,
и может, в первый раз весна
такая жаркая, — как лето...

* * *

В тени прохладно, хоть пылает
прозрачной синью небосвод.
Скорей на свет, что полыхает
на берегу утиных вод.

Собрались в полдень вместе
птицы
и люди — шумною гурьбой,
одни спешат из рук кормиться,
другие — гладить их рукой...

Забавно, словно в зоопарке,
где грусть проходит без следа.
И потому чуть-чуть, но жалко,
что скоро грянут холода.

На берег выйдешь утром рано,
а там — о осень! — никого.
Лишь хмурый ворон
над туманом
кружит — как потерял чего...

Но надо жить сегодня, люди,
И, птицы, надо ныне жить.
Пока тепло и можно чудо
друг дугу — радостно дарить...

Ясная любовь

В небе голуби —
кружатся стаями
словно пламя зимнее, вьюжное...
Что нам маяться
муками старыми,
если вновь мы такие дружные.

Никаких не нарушим правил,
отдаваясь счастливо роздыху,
ведь я столько
в стихах своих славил
этот край соловьиного воздуха...

Пусть душа из тоски поднимается,
может, даже как бы нечаянно.
И неважно, что вновь обнимаемся
лишь глазами, зато отчаянно!

И не зря небосвод лугу росному
улыбнулся опять
зорькой красною —
и назавтра быть дню погожему,
как судьбе нашей, верю, ясною!

Ах, ты милая, ах, ты нежная, —
как тебя я люблю воинственно!
Пусть ты в жизни моей не первая,
но в любви навсегда единственная!

* * *

Весь день стоит жара такая, —
что мысли плавятся в башке.
И как ни маюсь я, страдая,
пути не отыщу к строке.

Не жизнь, увы, но и не смерть же!
Поэтому — с судьбой своей
пройдусь-ка я по побережью
где тени от олив длинней...

А ещё лучше — разбежавшись,
нырну в пучину с головой,
и по волнам всё дальше, дальше —
я выплыву на свет живой...

И время пролетит недаром, —
в борьбе с волной найду себя, —
чтобы опять душа гагарой
летала в небе, жизнь любя...

Греми прибой, жара дневная
ещё сильнее — становись!
В борьбе, от жизни умирая,
я всё равно бы выбрал жизнь.

* * *

Поверь, и думать — не хочу, —
жить или нет на этом свете.
Вот только поклонюсь лучу,
послушаю небесный ветер...

И тыщу раз скажу: люблю —
той, что навек судьбою стала.
И зряшных слов не потерплю
в стихах — высокого накала.

Я жить привык — наверняка,
собрав в кулак стальную волю! —
И, видит Бог, уйду в века,
словно в ромашковое — поле...

* * *

От грусти, до конца — чужой
бессмертной, чудной красотой
спасают — горные пейзажи...
Будь я художник настоящий,
писал бы их с душой горящей,
и днём, и ночью тёмной даже...

Но я — поэт... И в сердце слово,
как прежде, нежно иль сурово,
не вдохновлю, увы, — вовек
не передам всех красок сочных
тенистых рощ, небес полночных,
летящих в бездну бурных рек!

Грущу... Но солнце ярко светит
среди небес, с которых ветер
согнал все тучи — до одной!
И чист, наполненный озоном,
особенно на скальных склонах,
свет-воздух, как вино, хмельной!

Что ж, память, выручай поэта, —
мир горный в полыханье света,
неважно, — солнца иль луны,
попробуй сохранить навечно,
хотя — и для тебя, конечно,
дни — этой жизни — сочтены...

Звёздная строка

Ни шума трепетного листьев,
ни писка — озорных бельчат.
Лишь на тропинке каменистой
шаги, как выстрелы, звучат.

Чем гуще тьма, тем чище воздух, —
озоном дышит вольно грудь.
Не зря зажглись ночные звёзды,
вперёд далече — виден путь...

И мне уже совсем не страшно,
лишь зябко, да и то — слегка.
И в душу, словно лемех в пашню,
вонзилась — звёздная строка.

* * *

Моя душа, чего ж ты хочешь,
стремясь в неведомый зенит,
когда стихом темно грохочешь,
словно волною о гранит.

Понятно всем, печаль и горе
пройти бесследно не могли!
Но лишь с огнём в высоком взоре
достоин знать любовь в любви.

Непросто это, даже — очень.
Не всем на свете по плечу.
Но оттого лишь, между прочим,
ещё сильней я жить хочу.

И каждый день ковать из боли,
из горя, из тоски, из слёз
ту силу, что одна позволит
стать равным средь высоких гроз.

А счастье с радостью, простите,
здесь не пригодны, ибо в них
нет крепости, чтобы в зените
не отступить от дел святых.

Так я считаю! И мой Боже,
не дай мне ошибиться зло.
Ведь, что ни говори, а всё же —
с тобою лишь живу светло!

* * *

Морской залив с десяток милей
не переплыть ли мне по новой?
Покуда — мышцы не остыли
и стаи волн — белоголовы...

Но встретился со взглядом милым
и понял вдруг: какие волны,
какой заплыв, когда есть сила
гореть в объятиях греховных...

Задернуты на окнах шторы...
Но в полумгле мы, как впервые,
от страсти вспыхнули, как порох, —
и в прах сожгли грехи земные.

Судьба славян

И опять — я должен, как таран,
волей прошибать глухие стены...
О, судьба тревожная славян! —
ножиком — порезанные вены...

Тяжко жить — аж хочется рыдать, —
и рыдаю про себя — душою.
Только, если честно рассуждать,
то не так уж мало нынче стою...

Дом срубил, поднял двух дочерей,
и пишу стихи завидной силы.
Коли духом падал, то, скорей,
оттого, что вдруг терял Россию...

Но всегда, как Феникс, из огня,
восставал я из своей печали.
И сегодня, братья, — за меня
вам бояться надлежит едва ли...

Порыдаю·про себя, да вновь
встану в рост, легко расправлю плечи.
Пусть огнём вскипает в венах кровь,
как в разгаре порубежной сечи.

А глухие стены — из вранья —
прошибу — и на единой воле, —
ведь за ними волнами жнивья —
ходит моей вечной жизни поле.

Милый берег

Туман непроглядный — густой,
клубясь, но расходится всё же...
И вновь, освещённый зарей,
мне мир открывается Божий.

Вдоль речки, друг к другу лепясь,
как гнёзда под горным карнизом,
дома, древних лет не стыдясь,
стоят в своих каменных ризах...

Всё гуще — малиновый звон —
и тянутся в храм местный люди,
туда, где Господь — испокон,
чтоб верить не в чёрта, а в чудо.

А рядышком с парком — река,
разлившись, течёт неторопко,
и с берега шустрым малькам —
хлеб свежий бросает молодка.

А вот — и колёса — шуршат
кареты высокой, роскошной, —
что взяли друзья — напрокат —
и тихо взгрустнули о прошлом...

О, город, где Моцарт — играл,
Тургенев — творил, Гёте — верил,
с тобой я свой свет отыскал,
как в бурю моряк милый берег...

* * *

Осень, но в лесу ни одного листочка
жёлтый цвет не охватил за ночку.

Стоят в роскошной зелени деревья,
и птицы не готовятся к кочевью.

Поют себе счастливо на рассвете
и в тёплый дождь, и в налетевший ветер.

Беру пример с них на лесной полянке,
пусть и смурной от очумелой пьянки.

И бью по струнам я смурной души —
и льются песни — ох, как хороши!

И сердце, словно солнечная скрипка —
и на лице моём — блаженная улыбка...

* * *

На улице октябрь,
но по ночам не знобко,
а утром — ну совсем —
по-летнему тепло...
Петляет меж берёз —
с листвой зеленой — тропка,
и шустрые скворцы вокруг поют зело.

Недавно ливень лил,
то тут, то там калюжи
разлились широко, —
чумазы, глубоки...
Но я их обойду по взгорью, где посуше,
да и приду к реке, не знающей тоски.

Срываясь с древних гор,
как в пропасть, без оглядки,
она меж тесных скал
летит на юг стрелой.
Вот сила — у неё! Любого — на лопатки
положит в миг один, особенно весной...

Пред горною рекой —
почувствую невольно —
вновь крепнут у меня
и — тело, и — душа.
Что прошлое? Тоска!
Там время било больно!
Но всё забуду я, — не плача, не ропща.

И посмотрю вперёд на сотни лет —
не меньше! —
чтоб счастье предсказать
и снова победить
в моей любви святой
одну из тысяч женщин,
с которой так хочу
я вечность разделить!

* * *

Жизнь так грохочет, что я глохну,
жизнь так гнетёт, что хоть рыдай.
И я однажды всё же сдохну,
успев лишь прошептать: прощай...

Прощай любовь! Прощай Россия!
И Бог, прости меня, прости,
за то, что в яростной стихии
не раз — сбивался я с пути...

Плутал печально меж трёх сосен,
ослепнув в горе свет-душой! —
забыв про песнь, забыв про осень —
с листвой, — до звона — золотой.

Но — всё-таки, как из туннеля,
я вышел на большак, чтоб вновь
идти вперёд, к заветной цели, —
где ждёт и ждёт меня любовь.

Пришёл и на любовь ответил,
и стал счастливым, как никто!
Пусть жизнь трудна на этом свете,
но как светла — в любви — зато!

* * *

В крик кричит душа
птицей раненой!
В крик кричит душа! Ну и что ж?
Жизнь грядущая затуманена,
словно поле в осенний дождь.

И не в силах я зорким зрением
разглядеть — где радость,
где грусть...
Будто сердцем от страха в темени —
полуночном на части рвусь!

В чём же выход?
Мне зло не верится,
что его в самом деле — нет.
Выход есть! Надо лишь довериться
песням, в темень несущим свет!

Запевай душа, хоть совсем нет сил,
через силу — на воле — пой!
Не найти вовек на святой Руси
в счастье — счастье,
в покое — покой...

* * *

Вновь охвачен я чёрными думами,
вновь шагаю вперёд, как к концу...
Эй, гроза, налетай, — и струями
бей меня взахлёб — по лицу...

Без зонта, не спасаясь под кронами,
я до нитки промокну — в пути,
буду мёрзнуть потом под клёнами,
но с остатним теплом в груди...

Быть не может,
чтоб жажда спасения
не встряхнула меня — будь здоров!
И — встряхнёт!
Как в огне вдохновения,
коль я — жить по полной готов.

Это значит, что хватит мудрости,
чтоб не впасть мне в простуду-беду,
с шага быстрого, будто в юности,
враз на стайерский бег перейду.

Будет в клетке грудной,
словно молотом,
сердце в рёбра — неистово бить!
Ах, ты жизнь моя, —
свет мой золото,
невозможно тебя — не любить!

* * *

Так просто слушать — не могу
распевы птичьи на рассвете.
Как будто счастье — берегу,
которое недаром встретил.

Душа — ликует, взор — горит,
на сердце свет высокий — Божий.
И — ничего-то — не болит,
и — ничего-то — не тревожит.

Людей рассветных встречу вдруг, —
и улыбаюсь им — весенне!
Как будто каждому я — друг,
и каждый мне — товарищ верный.

И время жизни — как река,
слетающая с гор отвесных...
И я — бесстрашно, на века —
откроюсь счастью новой песней.

* * *

Не смотри на меня, как на вора, —
у тебя — ничего я — не крал:
ни любви, ни улыбки, ни взора,
но — себя до тоски отдавал.

И теперь только с нею в обнимку
и лежу я в ночной тишине,
но рукой нежно глажу косынку,
что, смеясь, подарила ты мне...

Да — богат я, богат я ужасно,
но что делать с богатством моим
в жизни, где даже счастье —
напрасно,
а надежда — не больше, чем дым.

Стрелки бегают по циферблату:
скоро утро, а может, и смерть...
Я готов на любую расплату, —
и осталось — тебя пожалеть.

Это страшно и невыносимо!
Это чёрт знает что, милый друг!
Но по чести, по совести — зримо —
и обдумано верно — не вдруг...

Не прощаюсь! Порою на свете —
всё бывает, признаем душой.
И уносит нас смерть, словно ветер,
но уносит нас к жизни иной...

* * *

Ночью бились вспышки молний.
Но я, как убитый, спал —
снов, конечно, не запомнил,
пусть и много повидал.

Пробудился с доброй думой:
баньку б истопить — не грех,
чтоб с души сошла угрюмость,
как с полей весенний снег.

И уже совсем собрался —
печь топить, колоть дрова,
только в сердце, словно в танце,
закружились вдруг слова.

Как в поленницу поленья,
стали складываться в стих,
словно в первый день творенья
ради мёртвых и живых.

И — скажу сегодня прямо:
повезло — так повезло!
Как на тройке с бубенцами
въехал к Рождеству в село.

И — душа моя в сиянье,
сердце — солнечно стучит!
Словно горькое прощанье
с жизнью мне не предстоит...

* * *

Родная! Кажется, что только
вчера венчались, а считай,
уже полжизни, как на тройке,
несёмся по дороге в рай...

Поэтому, когда мы в ссоре,
мне горько, что не без потерь
вернёмся снова в мир, с которым
бессмертье обретём, поверь.

Но ты упрямо продолжаешь
дуть губы, сумрачна, как высь...
Неужто правда не считаешь,
что, в общем-то, прожита жизнь?

Конечно, нет! Но твой характер
по воле свыше, Боже мой, —
то огнедышащий, как кратер,
то, словно стужа, ледяной...

Но я тебе — так благодарен
душой рассветною за то,
что я годами только старый,
а духом молод, — как никто!

О, как невероятно сладок
твой вдохновенный поцелуй,
а голос, не таящий радость —
он золотей воздушных струй.

Просьба

Что ты ноешь и ноешь, и ноешь,
растревоженной напрочь душой,
мол, судьба — обделила покоем,
мол, мечта — оказалась пустой...

А на деле — немного найдётся,
кто, как ты, жил успехом сполна,
и в любви, полыхающей солнцем,
и в стихах, золотых, как весна.

Если сказано всё, то попробуй
сделать так, чтоб другой всё сказал:
и о жизни без грусти, без злобы,
и о смерти, что стынет в глазах.

Гордым будь, но не следуй гордыней, —
с ней — одна маета да печаль...
Пусть тебя свет добра не покинет,
пусть других будет искренне жаль...

Вознеся жизнь до звёздного неба,
было б правильно думать о том,
как навек обратить в счастье небыль,
как и в горе, жить в счастье святом.

К жизни

Жизнь моя, ты где, с какого места
на простор выходишь, чтобы я
возлюбил — тебя и, — как невесту, —
умыкнул в межзвёздные края?!

Нет, молчи, не говори ни слова!
Сам понять я должен не за страх,
или всё увидеть, пусть сурово,
но в родимых, солнечных глазах!

А иначе — в сердца светлой вере
кто я есть — герой или подлец?
И плевать, что на себя примерил
громкой славы — золотой венец.

Всё пройдёт: и слава, и бесславье —
но одно останется, вот крест!
Это, жизнь! Любовь к заречным травам,
к соловьям, ликующим окрест...

К женщине — единственно-красивой,
ставшей моей жизнью, Боже мой!
Вот и помни обо мне счастливо,
чтобы слышал в смерти голос твой.

Сорванный голос

Живу, как в песне... Только сам
давно не пел — сорвался голос...
Да и душа — надежды храм —
от перегрузок — раскололась...

И хрен бы с ней, когда б ни жизнь,
где без души — ни петь, ни плакать.
Не зря ж так затянуло высь —
тяжёлым, непроглядным мраком...

И кажется, как в тяжком сне,
что я один — на целом свете —
стою, как путник, в тишине
на перекрёстке трёх столетий...

Там я — пахал, там я — мечтал,
там — сочинял живые строфы,
От лжи и боли, как металл,
крушились — судьбы и эпохи!

И вот — итог: я стал таким,
что прошлое с тоскою слышу, —
и вновь, как небом ни храним,
себя лишь больше ненавижу!

Напрасно туч свинцовый строй
сгоняет ветер — с поднебесья...
Рыдай, душа! Нет, лучше пой,
коль умирать, то с вечной песней!

* * *

Отдохнул, сил набрался — и в путь.
Воздух чист, и легко дышит грудь.

И — пускай ты не молод — давно —
сердце бьётся светло — всё равно!

Свет рассветный по листьям скользит, —
и душа — вновь от счастья звенит!

Позабыв злых обид — страх и боль,
с чистой верой в земную любовь.

Между ёлок вдруг вспыхнул пожар —
не страшись! — это лис — пробежал...

Вслед ему сгоряча взгляд метнёшь
да и дальше в глубь чащи пойдёшь...

Как ни горько признать, но душой —
вдруг в лесу ты поймёшь, что живой...

Гордое право

Жизнь длится,
пусть и с нею длится строчка, —
когда душа полна
всем многоцветьем чувств,
есть что сказать, на чём поставить точку,
стараясь счастье — не менять на грусть.

А как иначе, —
коль по вражьей, чёрной воле
день без ошибок наших
весь в чужих грехах,
что принуждает нас
страдать слепою болью, —
и, как солдатам, быть у правды на часах.

И мы — стоим,
порой из самых сил последних,
но верим, верим страстно, чёрт возьми:
в конце концов —
мы будем среди первых,
кто — вправе — зваться —
вечными — людьми!